

ВЛИЯНИЕ ЭКОКУЛЬТУРНОГО КАРКАСА ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ ВОСТОЧНОГО САЯНА НА ФОРМИРОВАНИЕ ЗОН ОХРАНЫ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ОБЪЕКТОВ И ТРАДИЦИОННОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАНИРУЕМОГО САЯНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПАРКА (биосферного резервата)

Астанин Дмитрий Михайлович,

старший преподаватель кафедры дизайна архитектурной среды,
Череповецкий государственный университет,
Череповец, Россия, e-mail: montenegro.astanin@mail.ru

УДК 711.1
ББК 85.118

Аннотация

Сосредоточено внимание на использовании анализа каркасных систем как базового первичного метода при планировании организации экотуризма в регионе. Исследованы ареальные, линейные и точечные территориальные структуры экокультурного каркаса центральной части Восточного Саяна, определившие зоны охраны историко-культурных объектов и традиционного природопользования планируемого Саянского национального парка (биосферного резервата).

Ключевые слова:

картографический метод, ареальные структуры, линейные структуры, точечные структуры, экокультурный туризм, этноландшафтный туризм

Введение в проблему исследования

Культурный ландшафт, по К.А. Павлову, – это модель нуклеарной геосистемы, где выделяются ядра, пути коммуникации, а также полевые структуры ландшафта – зоны влияния и распространения определенных элементов культуры [4, 10]. Формирование экокультурного каркаса состоит в выделении с помощью исторического анализа исследуемой территории ареальных, линейных и точечных структур культурного ландшафта, сохраняющего в течение длительного времени свои эстетические достоинства, устойчивость и продуктивность.

Выявление пространственной локализации структур экокультурного каркаса осуществляется картографическим методом с помощью исторического анализа исследуемой территории. Ранжирование качественных характеристик компонентов культурного ландшафта осуществляется по значимости, зафиксированной в нормативных документах (мировое – особо благоприятно – 4 балла; федеральное – благоприятно – 3; региональное – относительно – 2; без оценки – 1) [16, 19].

На исследуемой территории нет памятников культуры, значение которых зафиксировано в нормативных документах. Поэтому с помощью метода исторического анализа определяется наличие или отсутствие благоприятных компонентов культурного ландшафта.

Оцениваемые компоненты культурного ландшафта зависят от специализации экокультурного туризма. Экокультурный туризм – это ознакомление с живым культурным наследием, с сохранившимися очагами традиционных культур, особенностями хозяйствования, землепользования народов, живущих в согласии с природой. Экокультурный туризм объединяет природное и культурное наследие, показывая взаимовлияние природных ландшафтов, форм природопользования и духовной жизни народа. Специализированными видами экокультурного туризма являются: этнографический, религиозный и исторический [9].

Основа формирования культурных ландшафтов Восточного Саяна – традиционное природопользование коренных народов, проживающих на исследуемой территории, и процесс освоения центральной части Восточного Саяна русскими. Важной составляющей в освоении Сибири является пушной (соболиный) промысел, политическая ссылка, золотодобыча, научные исследования Восточной Сибири. Основные специализированные виды экокультурного туризма на исследуемой территории – этнографический и исторический туризм [15].

Этнографический туризм – это посещение мест, где проживает этнос (малые народы и национальности), где можно увидеть обычаи и традиции многих народов с древнейших времен до наших дней, неповторимый колорит, фольклор, различные ремесла, кухню. Районы с небольшой плотностью населения, низкой урбанизацией породили такие направления, как агротуризм и этнографический туризм (возможность проживания либо в специально отведенных комнатках деревенского дома, либо в отдельно выстроенных домиках, юртах, знакомство с местными ремеслами, участие в национальных праздниках). По своей мотивации этнотуристы схожи с участниками экологических туров. Многие экотуристы с невысокими требованиями к уровню и качеству обслуживания, питания и размещения становятся основными потребителями этнографических туров.

Этнографические ресурсы – это система культурных, духовных и материальных ценностей народов, проживающих на определенной территории, и включают следующие компоненты:

1. Материальная культура – жилища, одежда, украшения, утварь, орудия труда и средства передвижения;
2. Духовная культура – обычаи, обряды и праздники, религиозные и мифологические представления, поверья и приметы, народный календарь и традиционные знания, художественная культура, а также игры (детские, спортивные);
3. Формы хозяйствования и народные промыслы: традиционное природопользование, исторически сложившееся и обеспечивающее неистощительное природопользование объектов животного и растительного мира, других природных ресурсов коренными малочисленными народами. Виды традиционных форм хозяйствования: оленеводство, рыболовство, охота, морской зверобойный промысел, сбор и переработка дикоросов, выделка шкур животных, изготовление национальной утвари, инвентаря, национальной меховой одежды, ездовое собаководство. Народные промыслы: изготовление национальных сувениров, вышивка, шитье, плетение и т. д. [24].

		ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СТРУКТУРЫ		
ОЦЕНИВАЕМЫЕ ВИДЫ	ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ	АРЕАЛЬНЫЕ	ТОЧЕЧНЫЕ	ЛИНЕЙНЫЕ
		покомпонентная оценка пространственных структур	ранжирование качественных характеристик пространственных структур по значению, зафиксированному в нормативных документах: мировое значение - 4 балла; федеральное значение - 3 балла; региональное значение - 2 балла; без значения - 1 балл	покомпонентная оценка пространственных структур
	ИСТОРИЧЕСКИЕ	оцениваемый компонент: 1. объекты материальной культуры; 2. духовная культура; 3. традиционные формы хозяйствования и народные промыслы	оцениваемый компонент: 1. объекты материальной культуры; 2. духовная культура; 3. традиционные формы хозяйствования и народные промыслы	оцениваемый компонент: 1. объекты материальной культуры; 2. духовная культура; 3. традиционные формы хозяйствования и народные промыслы
		оцениваемый компонент: материальные и нематериальные результаты исторического процесса	оцениваемый компонент: материальные и нематериальные результаты исторического процесса	оцениваемый компонент: материальные и нематериальные результаты исторического процесса

Рис. 1. Оценка пространственных структур эко-культурного каркаса Центральной части Восточного Саяна

Постановка проблемы

Восточную часть Саянского заповедника занимал инороднический резерват – территория постоянного проживания карагасов. Карагасы – устаревшее название тофаларов, населяющих области бассейнов рек Уды, Бирюсы, Кана, Гутары. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2006 г. № 536-р утвержден «Перечень коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации», куда включены тофалары.

Тофалары – коренная народность, проживающая на сопредельной к заказнику территории. В настоящее время это в основном смешанная монголо-европеидная популяция. Тофаларский язык относится к уйгурской подгруппе тюркской группы алтайской языковой семьи. Занятия коренного населения основаны на использовании естественной биологической продуктивности ландшафтов тайги и горной тундры. В результате контакта населения с природными сообществами хозяйство как самообеспечивающая система не наносит урона природной среде. Традиционное природопользование и уклад хозяйства в Тофаларии сложилось как натуральное, в основном обеспечивающее население всем необходимым. Сохранение и восстановление таких систем и их адаптацию к современным условиям можно рассматривать как один из путей освоения человечеством своего культурно-экологического наследия.

Основой хозяйственной деятельности тофов при их кочевой жизни до конца 20-х гг. XX в. были оленеводство и охота, рыболовство и собирательство. Оленей тофалары использовали для верховой езды и перевозки грузов вьюком. Из копытных зверей объектом охоты были кабарга, изюбрь, лось, дикий северный олень, горный козел, кабан, косуля. На всех пушных зверей охотились с ружьями и собакой. Саянская тайга богата различными растениями. Тофы давно научились отыскивать в тайге растения, имеющие как съедобные корни, так и плоды. Ягоды собирали и употребляли обычно в свежем виде, на зиму не заготавливали. До XX в. тофаларам удавалось сохранить созданную культуру и кочевую форму хозяйственной деятельности. Поэтому до перехода на оседлость основным жилищем тофаларов был конический шестовой чум (алажы), который летом покрывали полосами вываренной бересты, а зимой – полстями, сшитыми из выделанных шкур лося или марала при помощи сухожильных нитей. Коническое каркасное сооружение диаметром 3–4 м состояло из 25–30 жердей длиной 3 м. Стойбище (поселение в виде группы чумов) тофаларов обычно насчитывало от 2 до 5 чумов, а летом – до 10. Обычно стойбища находились на одном месте не более двух-трех недель, затем перекочевывались на 8–20 км. В советское время чум перестал использоваться, тофалары переселялись в срубные жилища (типовое строительство) [3, 18, 23].

В настоящий период тофы живут в трех поселках: Алыгджер, Нерха и Верхняя Гутара, построенных в 20-е гг. XX в. Многие национальные традиции и промыслы утрачены. Охота – основной источник дохода. Но она имеет сезонный характер – с октября по февраль. В настоящее время появилось много пришлых охотников, которые занимают территории традиционной охоты тофаларов. Природные условия Тофаларии, покрытой горной тайгой и содержащей на высокогорных плато обширные пространства высокогорных тундр, сплошь покрытых ягелем, представляют собой идеальное место для обитания северных оленей. Развитие оленеводства признается перспективным направлением, способным хоть немного обеспечить повышение уровня жизни тофаларов и туристическую привлекательность территории. При организации Саянского заповедника планировалось создание на р. Гутаре соболиного питомника, опытного маральника и кабарожника. Организация этих питомников как хозяйств, поддерживающих экологическую устойчивость территории, создающих рабочие места для местного населения и одновременно являющихся объектами туристского притяжения, не потеряло актуальность и в настоящее время.

Этнохозяйственный ареал тофаларов включает бассейны р. Бирюсы, Уды, Кана, Гутары. Территория бассейнов этих рек в пределах Саянского заповедника могла бы иметь природоохран-

ный статус, быть территорией традиционного природопользования тофаларов и служить возвращению утраченных традиционных хозяйственных и культурных функций (оленоводство, кочевая форма хозяйствования, мобильное традиционное жилище).

В границах этой территории традиционные промыслы: охота, олениводство, собирательство даров природы могли бы осуществляться только представителями коренного малочисленного народа для самообеспечения и развития туристической деятельности. Например, по законодательству Канады, коренные жители – единственные люди в Канаде, имеющие права на рыбалку и охоту. Для других канадцев это считается привилегией.

Развитие этноландшафтного туризма может внести существенный вклад в решение целого комплекса проблем территории: улучшение уровня жизни местного населения, сохранение культурно-исторических традиций, привлечение инвестиций, содействие повышению экономической самостоятельности территории, создание новых рабочих мест, сокращение числа экологических правонарушений, повышение уровня экологической культуры и общего культурного уровня туристов.

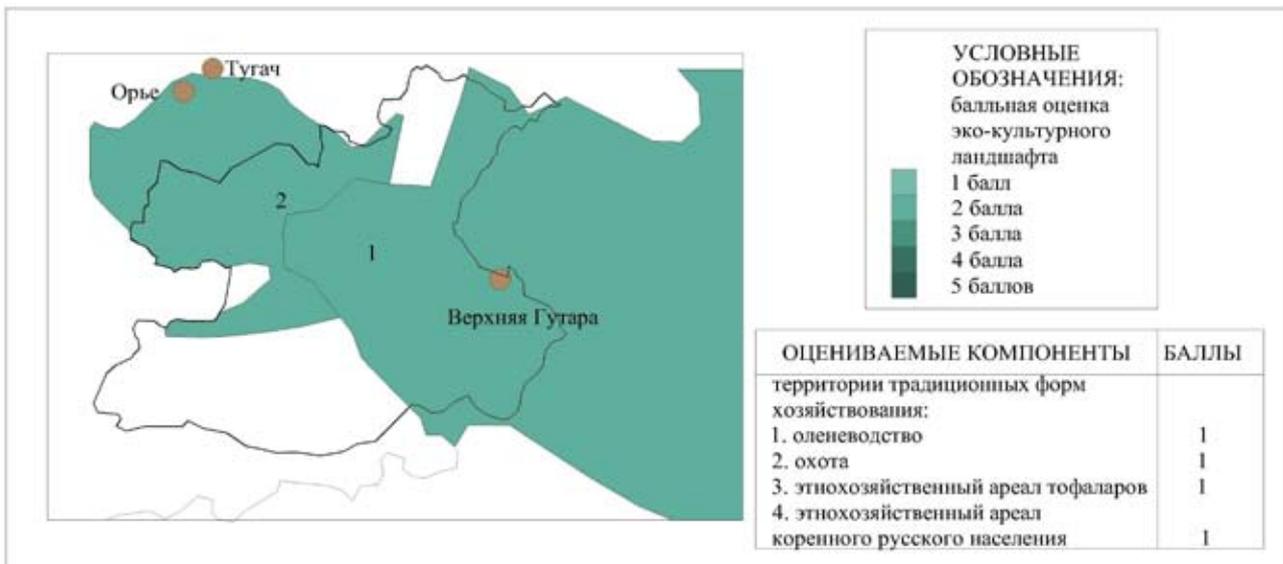

Рис. 2. Карта-схема этнохозяйственных ареалов Центральной части Восточного Саяна»

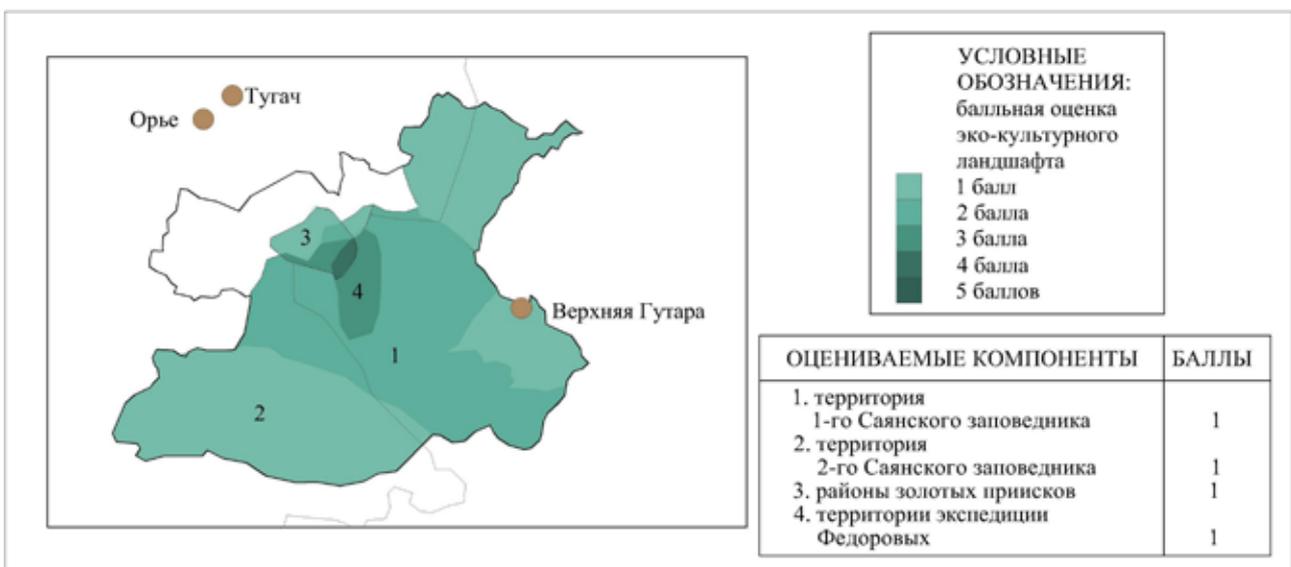

Рис. 3. Карта-схема историко-культурных ареалов Центральной части Восточного Саяна»

Русские появились на Кане после постройки Красноярского острога (1628). С XVIII в. началось медленное заселение бассейна р. Кан. Что касается южной его части – Канского уезда, в том числе и Ирбейской волости, куда входила территория нынешнего Саянского района, то она начала осваиваться лишь в XIX в. До 1829 г. нахождение русских на территории Саянского района было кратковременным и эпизодическим: на время охоты и промыслов.

Коренными жителями Саянского района были камасинцы, которые к приходу русских в Сибирь уже занимали эту территорию. Зимой камасинцы вели кочевой образ жизни, а на лето останавливались в Абалаковом улусе. Численность их на протяжении XIX в. была крайне невелика: по состоянию на 1887 г. – 76 человек, в 1911 г. – 93 человека. Впоследствии они частично вымерли, частично были ассимилированы русскоязычным населением. Последняя представительница этого рода умерла в конце XX в.

Первыми ссыльными переселенцами стали участники польского восстания 1830–1831 гг. До конца XIX в. шло вольное заселение Саянского района. С каждым десятилетием оно становилось все более интенсивным и особенно усилилось после отмены крепостного права. Переселялись почти исключительно многосемейные, в основном зажиточные крестьяне. Жители занимались хлебопашеством и скотоводством, что и составляло главный источник их благосостояния. Кроме того, был и побочный промысел: охота, пчеловодство, мелкая кустарная промышленность, добыча кедровых орехов и т.д. В настоящее время по берегам Кана располагаются населенные пункты – в Саянском районе небольшие поселки и деревни: Орье, Кан-Оклер, Кан, Усть-Анжа. В окружающей поселки тайге изобилие даров природы: грибы, кедровые орехи, ягоды, сбором которых занимается местное население. Не потеряли своего значения охотничий промысел и рыболовство.

Сейчас этнохозяйственный ареал старожильческого населения русских составляет территория, включающая территорию населенных пунктов Саянского района до границ Тофаларского заказника. Основная территория планируемого природного парка Канское Белогорье входит в этнохозяйственный ареал старожильческого населения. Для предотвращения конфликтов ООПТ с местным населением в XX веке в природоохранном менеджменте широко использовалась модель сегрегации традиционного природопользования и охраняемых территорий, но все более очевидным становится невозможность масштабного резервирования земель под ООПТ без нарастания конфликтов с местным населением. Поэтому важным становится планирование зон традиционного природопользования в особо охраняемых территориях как зон сотрудничества с местным населением. Эти зоны дают возможность стирания границ между заповедными и промысловыми территориями, являются стимулом к развитию партнерских отношений с местным населением, моделированию совместного управления территорией. Основа этого – сохранение и развитие традиционных экологически безопасных форм природопользования (рыболовство, собирательство, ремесла) и экологического туризма. Охота должна быть разрешена по именованным разовым лицензиям. По проекту с трех сторон к Саянскому заповеднику должны прилегать эксплуатационные охотничьи участки (промыслово-охотничье хозяйство), которые являются прообразом зон традиционного природопользования.

Для участия в организации экотуризма местным жителям необходимо разрешить восстановление и обустройство охотничьих зимовий и путиков в качестве туристической инфраструктуры. Важно сотрудничество с местными предпринимателями в организации экологически безопасных традиционных хозяйств. Например, в Национальном парке Угра администрация парка сотрудничает с садоводческим хозяйством В. Н. Морозова в д. Люблинка, пчеловодческой фермой семейства Шиповых в Дзержинском районе, сенокосным хозяйством И. И. Пугачева в пойме р. Жиздры. Поддержание и улучшение крестьянско-сельского ландшафта предполагает восстановление традиционных форм земледелия и скотоводства, пчеловодства и садоводства,

строительного дела и иных ремесел, необходимых для обустройства жизненного пространства и быта [15].

Исторический туризм – туризм, поддерживающий культурную самобытность, знакомит с культурными традициями территории. Потенциал исторического туризма выражен в его историческом наследии. Оценочными компонентами исторического потенциала исследуемой территории являются материальные и нематериальные результаты исторического процесса освоения Восточной Сибири [19].

Исторический туризм в Центральной части Восточного Саяна – это экспедиции в условиях особых трудностей. Здесь туристы проходят маршрутами известных путешественников, золотоискателей, уникальных экспедиций, испытывая на себе все трудности освоения Сибири. Объектами размещения туристов становятся охотничьи зимовья [18, 20].

В истории освоения Сибири решающую роль играли сухопутные и водные маршруты. В характере освоения доминировали промысловые и аграрные формы хозяйствования, которые формировали определенные устои хозяйственной и духовной жизни. Подобному обществу присущи близкие к архаическим ценностям инварианты культуры, выраженные в высоком значении традиций, преобладании религиозных институтов над светскими, преобладании общинных поселенческих моделей со свойственным им механизмом саморегуляции. Для поселений, возникших в период доиндустриального освоения, характерна органичная вписанность в окружающую природную среду при незначительном антропогенном воздействии на нее.

С процессом русского освоения региона бассейн Енисея стал главным фактором формирования структуры расселения. Реки служили транспортными путями в богатые пушным регионом. Промысловое дело – основной стимул освоения Сибири русскими. На раннем этапе это была добыча пушнины. В 1660 г. Россия половину всех доходов получала от пушного промысла, при этом наибольший ясак (12 соболей с человека) был зафиксирован в Енисейской губернии. Освоение Сибири проходило путем создания острогов. В Сибири был разработан тип небольшого укрепленного пункта – зимовья. Именно с зимовий, построенных красноярскими атаманами Тюменцевым и Остафьевым, начинаются Канский и Нижнеудинский остроги, являющиеся базовыми пунктами для освоения Восточного Саяна. Канский острог начался с зимовья с полисадом, основанного в 1628 г. красноярским атаманом Ермаком Остафьевым. В 1636 г. оно стало острогом. Первое русское поселение на берегах Уды в виде небольшого русского зимовья появилось в 1644 г. В 1648 г. красноярский атаман Е. Тюменцев на правом берегу Уды на Покров день заложил уже государево зимовье. Первоначальной функцией острогов был сбор ясака [19].

В начале XX в. в России наблюдалось резкое снижение поголовья соболя. Царское правительство постановило «признать для сохранения соболя неотложность выделения охранных участков, так называемых заповедников». Были выбраны для организации таких заповедников Баргузинский уезд «как район обитания самого ценного соболя»; Минусинский, Канский и Нижнеудинский округа Енисейской губернии как районы, где соболиный промысел имеет самое большое значение для местного населения. Саянскую экспедицию возглавил охотовед и этнограф Д.К. Соловьев. После того, как работы экспедиции закончились, на состоявшемся 25.02.1916 г. при Департаменте земледелия совещании получило одобрение предложение об организации первого заповедника России – Саянского соболиного заповедника в Енисейской губернии. В 1918 г. Д.К. Соловьёв на основе результатов экспедиции по Восточному Саяну в работе «Типы организаций, способствующих охране природы» предлагал более 30 форм защиты объектов природно-заповедного фонда [2, 6–8]. К сожалению, они не нашли своего применения в России. Вместе с тем в США, Канаде, Великобритании и других странах таких категорий множество: например, область охраняемого ландшафта, участки исключительной природной красоты, живописная река, национальная река и т. д. [12–14]. Арел Саянского заповедника – историческая территория

пушного промысла и начала заповедного дела в России. На его территории необходимо открытие музеев заповедного и промыслового дела в России [20].

Вслед за пушным промыслом стала развиваться золотодобыча. Настоящая золотая лихорадка началась в 1826 г., когда правительство отказалось от государственной монополии на добычу золота. Развитие золотодобычи стало крупнейшим явлением в сибирской экономике XIX в. и позволило Российской Империи в середине века утвердиться на первом месте в мире по объему добычи золота. В 1833 г. на р. Кан нашли золото. Во второй половине XIX в. золотоискатели добрались и до Агинской волости. Северный склон Канского белогорья – ареал золотодобычи на исследуемой территории. Месторождения разрабатывались во второй половине XIX – первой половине XX столетий [23].

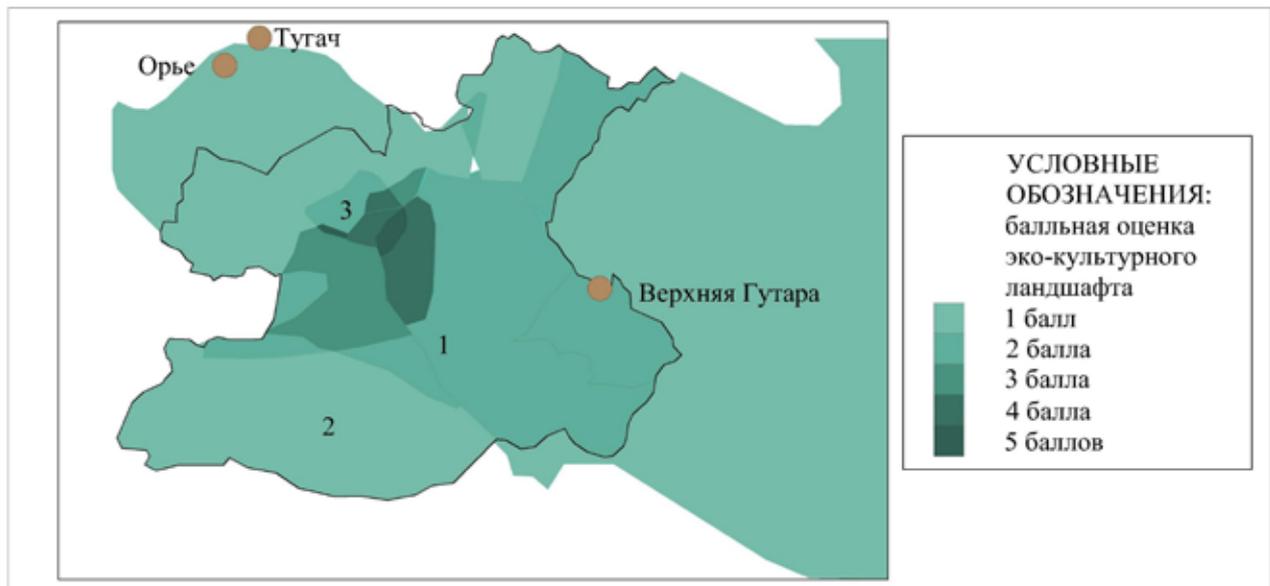

Рис. 4. Карта-схема ареалов эко-культурного каркаса Центральной части Восточного Саяна»

Методология

Линейные структуры экокультурного каркаса центральной части Восточного Саяна:

- охотничьи пути;
- пути на золотые прииски;
- пути исследователей Восточной Сибири.

До 1829 г. нахождение русских на территории Саянского района было связано с охотничьим промыслом. Соболиный промысел имел большое значение для местного населения. До революции в зимнее время охотники пробирались на лыжах с нартами вверх по рекам до верховий Уды – добывать соболя, которого было в то время очень много. Старинная охотничья тропа ведет вдоль р. Кан на Канское, Пезинское Белогорья и дальше по звериным тропам – в центр Восточного Саяна к верховьям р. Кан, Кизир, Агул, к вершинам г. Пирамида, пика Грандиозный. Этому способствовали гористые тундры Белогорий. Они достаточно пологи и, не спускаясь в непроходимую тайгу, можно преодолеть большие расстояния. Тофалары и урянхи (сойоты, тувинцы, саянцы) владели территорией, расположенной на севере и востоке от этой границы [20, 26, 29].

В деревне Усть-Анжа находилась резиденция золотопромышленников. Товары на прииски доставлялись по Кану и его притокам к северным отрогам склона Канского Белогорья, где располагались золотые прииски.

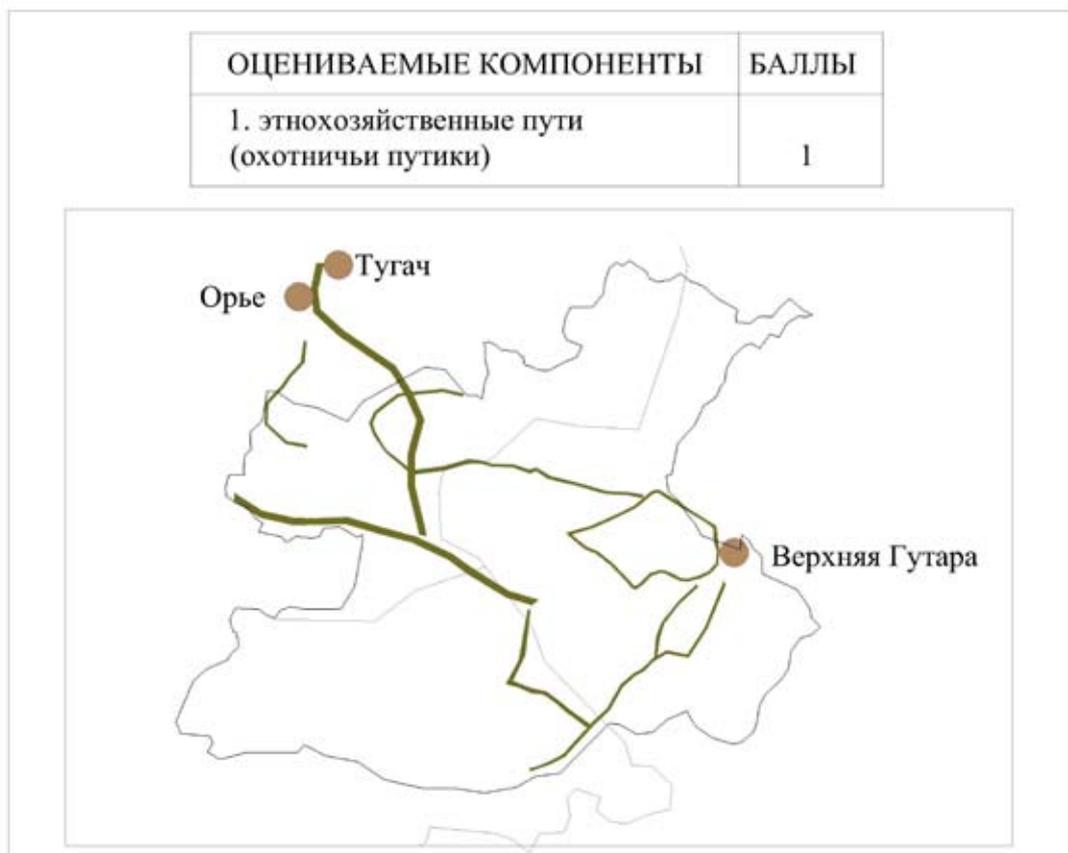

Рис. 5. Карта-схема этнохозяйственных путей Центральной части Восточного Саяна»

Рис. 6. Карта-схема исторических путей Центральной части Восточного Саяна»

Научные исследования Восточного Саяна начались в 1771 г. с экспедиций пограничного комиссара Егора Пестерева, который изучил и описал границу Российской Империи от верховьев р. Уды, Кизира, Казыра, прошел по хребту Ергак–Таргак–Тайга.

Следующий замечательный исследователь Саян – И.С. Крыжин, поручик корпуса военных топографов в составе первой Сибирской экспедиции Русского географического общества в 1855–1859-х гг. под руководством Людвиг Шварца. Были уточнены высоты гор, расположение хребтов, долин, определена вертикальная граница распространения леса, снеговая линия, обнаружены следы древнего оледенения, проведены наблюдения за климатом, изучался жи-

вотный и растительный мир. В 1858 г. экспедиция прошла верховьями Кизира, перевалив из Тувы хребет Ергаки (Ергак–Таргак–Тайга) по оси Восточного Саяна и вышла на р. Ману, по которой на плотах сплавила до Красноярска. Именем Крыжина был назван водораздельный Кизиро-Казырский хребет.

В 1902 г. геологическую экскурсию провел геолог Попов. Он пошел по Манско-Канскому водоразделу, посетил Пезинское озеро, от истоков Кана пересек хребет Крыжина и вышел в долину р. Казыра около Базыбайского порога.

В начале XX в. в России наблюдалось резкое снижение поголовья соболя. В 1914–1916 гг. прошла большая Саянская экспедиция по изучению соболиного промысла под начальством зоолога и охотоведа Д. К. Соловьева. Участниками этой экспедиции было проложено много чрезвычайно интересных маршрутов в центральной, наиболее труднодоступной части Саяна – по истокам р. Казыра, Кизира, Кана, Агула, Гутары и Уды, открыт ледник в верховьях р. Белой.

В 1925 г. работал по поиску золота геолог Г.А. Стальнов. Им был описан самый крупный ледник в этом районе. Сам Г.А. Стальнов погиб во время экспедиции.

В 1938–1939 гг. в Центральной части Восточного Саяна работала экспедиция (геодезическая партия) Г.А. Федосева. В невероятно сложных условиях было проведено картографирование Восточного Саяна, уточнены высоты гор, расположение хребтов, гидрография, установлены геодезические тригознаки на вершинах Козя, Кубарь, Фигуристый, Хариузовый, Чебулак, Пирамида, Надпорожный белок. Г.А. Федосеев написал книгу «Мы идем по Восточному Саяну», которая снова открыла этот район россиянам. Он завещал похоронить его в центральной части Восточного Саяна и один из перевалов носит его имя.

В 1948–1949 гг. в Центральном Саяне работала экспедиция ленинградских ботаников Ал.А. Федорова и Ан.А. Федорова на Оргазайской группе гольцов, на истоках Кизира и Агула.

Наибольшую плотность линейные структуры экокультурного каркаса имеют у нежилого поселка Негота.

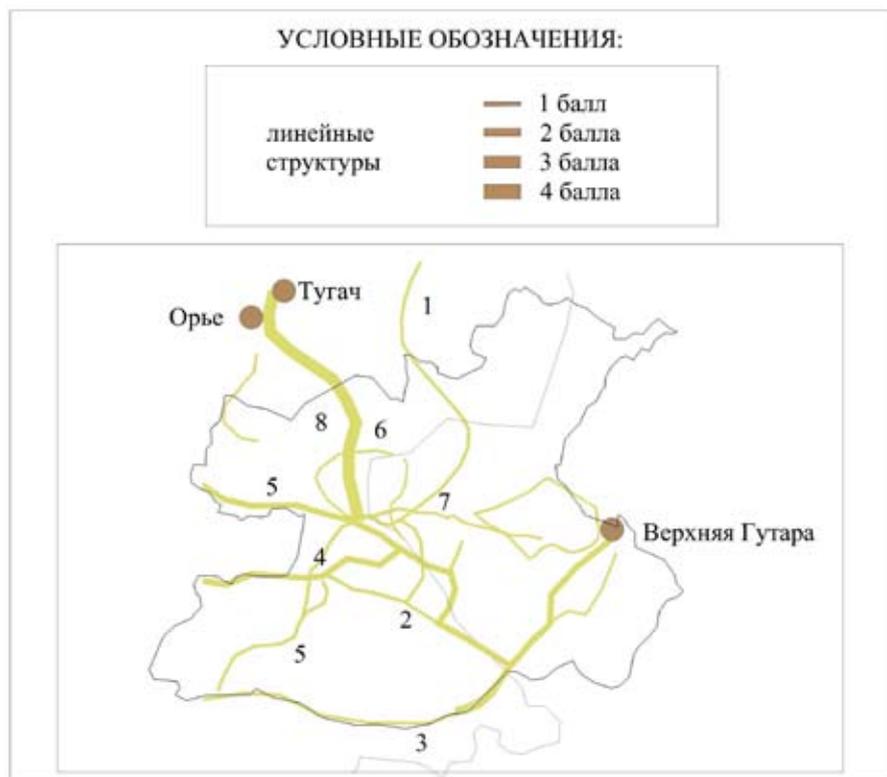

Рис. 7. Карта-схема линейных структур экокультурного каркаса Центральной части Восточного Саяна

Точечные структуры эконокультурного каркаса центральной части Восточного Саяна:

- населенные пункты коренных и местных народов (Верхняя Гутара, Орье);
- нежилые поселки при золотых приисках;
- исторические охотничьи зимовья.

Поселок Верхняя Гутара входит в границы территории природопользования, является зоной обслуживания посетителей, в функции которой входит туристическая и экопросветительская деятельность. Большинство жителей поселка – тофалары [20].

При первой организации Саянского заповедника во главе стоял заведующий (один из членов Саянской экспедиции А. Г. Лепп), живущий на р. Гутаре. В годы Великой Отечественной войны управление заповедника, очевидно, располагалось в пос. Верхняя Гутара. Директором заповедника в то время был К. И. Громов, геолог по образованию, автор хорошего и, пожалуй, единственного очерка о «втором» Саянском заповеднике, опубликованного в 1951 г. [21].

Поселок Орье – административный центр Орьевского сельсовета, основан в 1956 г. как одно из отделений Краслага. Лес в огромном количестве требовался Советскому Союзу, поэтому большой поток заключенных был направлен в лагеря Сибири (заготавливали лес в саянской тайге и сплавливали по Кану и его притокам). Лагерная система была кочевой: по мере истощения леса лагеря перемещались на новое место. Последними лагерями был Орье и Тугач. Культурный ландшафт в пос. Тугач представлен сохранившимися историческими постройками исправительно-трудового лагеря Тугачлаг. Исторические постройки: кухня, бараки для ночлега с многоярусными нарами, баня, хлеборезка, дезинфекционная камера и др. сооружения. Специальных охранных сооружений здесь не было, заключенных охраняла глухая тайга. Про существовал Тугачлаг недолго: с 05.11.1952 до 29.04.1953 [20].

На охотничьих путиках были построены охотничьи зимовья – сезонные жилища промысловиков-охотников. Охотник ставил сеть зимовий, которая состояла из базовой избушки (где он жил) и путиковых (где ночевал по пути следования). Важным было правильно выбрать место для зимовья (чаще всего это небольшая поляна в долине реки или озера, где зимовье было не сразу заметно). Промысловое деревянное зодчество отличала редкая гармония рукотворных сооружений с окружающей средой. Бревенчатые срубы словно растворялись в бесконечной красоте лесов. Сейчас все чаще характерные элементы таежных зимовий используются при строительстве туристических комплексов [18].

Рис. 8. Карта-схема этнохозяйственных объектов Центральной части Восточного Саяна

Рис. 9. Карта-схема историко-культурных объектов Центральной части Восточного Саяна»

Остатки поселков золотодобытчиков сконцентрированы на северных склонах Каннского Белогорья: Тукша, Негота, Сухой Лог, Воскресенский. Северный склон Канского Белогорья, река и ее притоки – это территория зоны историко-культурных памятников. Так как здесь сконцентрированы нежилые поселки при золотых приисках, наблюдается высокая плотность исторических путей (старинная охотничья тропа, путь к золотым приискам, пути научных экспедиций). В функции зоны входит сохранение, реставрация и реконструкция нежилых поселков золотодобытчиков с возрождением традиционных хозяйственных функций, но уже в качестве туристического объекта. Экспедиции Д.К. Соловьева и Г.А. Федосеева останавливались в поселке Негота. В нежилом поселке Негота, являющимся зоной обслуживания посетителей, необходимо разместить музей золотодобычи и экопросветительные учреждения.

Примеры подобного использования в туристических целях заброшенных золотых приисков можно найти как в России, так и в мире, так как золотая лихорадка была в различных регионах мира.

В самом эпицентре золотой лихорадки в Лапландии – в пос. Танкаваара предприимчивые потомки старателей открыли единственный в Европе музей золотодобычи. Он включает выставочные залы с коллекцией минералов, документами и фотографиями, на 2000 м² расположился целый поселок золотодобытчиков с реконструируемыми строениями из разных приисков мира и орудиями труда. В музее есть специально оборудованный бассейн, в котором можно самому попробовать мыть золото. Здание музея построено в форме круглого лотка для промывания золота. Каждое лето проходит открытый чемпионат Финляндии по золотоисканию.

Очень интересным объектом музейного показа может стать заброшенный Уртазым-Горяевский золотодобывающий прииск на р. Шурале, существовавший со второй половины XIX по 30–40-е гг. XX в. В его ранней части сохранилось кладбище старателей, полностью руинированные землянки и остатки конторского здания. До сих пор вдоль реки встречаются лотки старателей вековой давности, видны остатки старых гидротехнических сооружений. На базе этого

объекта индустриального наследия предполагается создание специализированной музейной экспозиции, посвященной развитию золотодобычи и всего горнодобывающего дела на башкирских землях. В принципе, возможно и возрождение золотодобычи, но уже как особой части музейной и туристской программы.

Рядом с Уртазым-Горяевским прииском, на котором работало в основном пришлое население, на р. Урге находится небольшой, полностью заброшенный еще во времена гражданской войны, хутор Майлыбай, все население которого (башкиры-бурзянцы) специализировалось именно на золотодобыче.

Рис. 10. Карта-схема точечных структур экокультурного каркаса Центральной части Восточного Саяна»

По методике функционального зонирования [17], разработанной автором, экокультурный каркас территории влияет на расположение зон охраны культурно-исторических памятников и традиционного природопользования. Зона охраны культурно-исторических памятников является ядром экокультурного каркаса. Зону определяет наиболее высокая плотность исторических путей и концентрация исторических объектов.

Основными структурами, пространственное размещение которых определяет конфигурацию зоны традиционного природопользования, являются этнохозяйственные ареалы, в состав которых входят этнохозяйственные пути и этнохозяйственные объекты.

Проведенный исторический анализ показывает:

1. Основные виды экокультурного туризма для исследуемой территории – исторический и этнографический туризм.
2. Линейными структурами экокультурного каркаса Центральной части Восточных Саян являются охотничьи путики, конные пути золотодобытчиков, пути экспедиций, направленных на изучение центральной части Восточных Саян. Наибольшую плотность они имеют у нежилого поселка Негота. В пешеходной доступности находятся точечные структуры экокультурного каркаса: избушка Д. К. Соловьева, нежилые поселки у золотых приисков. Северный склон Канского Белогорья – территория исторического ландшафта, связанного с важными аспектами

освоения Сибири (ядро экокультурного каркаса, в которое входит территория Тукшинского Белогорья, ограниченная реками Малый Агул и Кунгус). Это территория зоны охраны культурно-исторических памятников [23].

3. Ареалами экокультурного каркаса для этнографического туризма являются:

- этнохозяйственный ареал тофаларов, он занимает территорию восточнее верховий реки Кан;
- этнохозяйственный ареал коренного русского населения, он распространяется до Тофаларского заказника.

Данные территории составляют кластеры зоны традиционного природопользования [5].

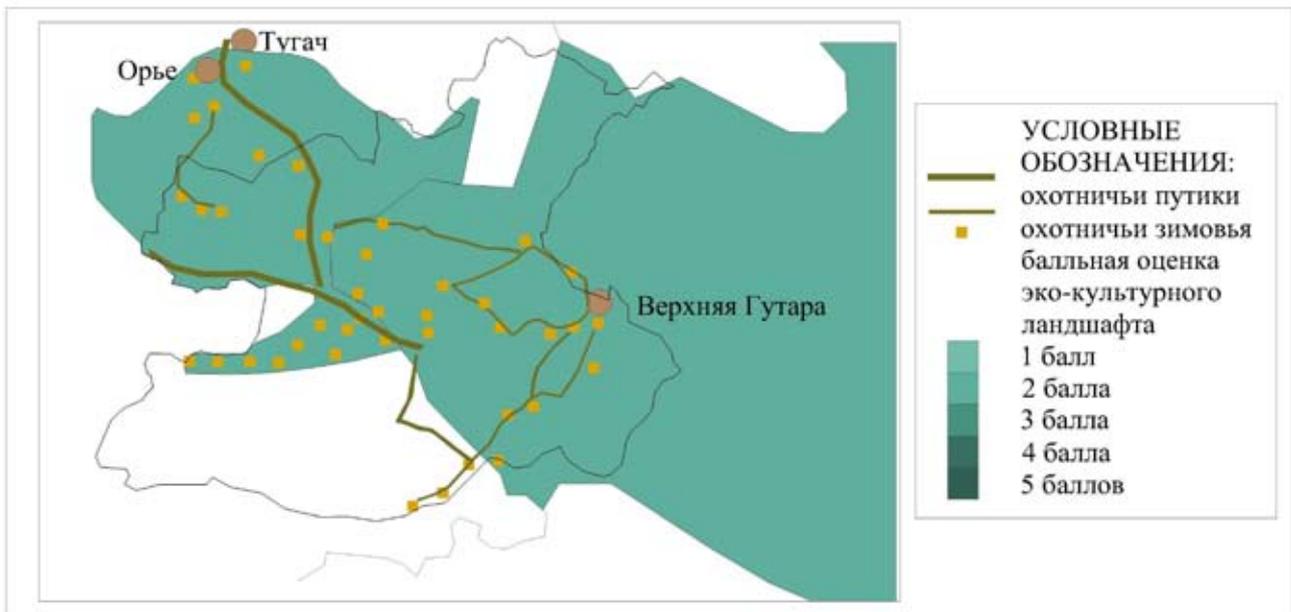

Рис. 11. Карта-схема этнографических ресурсов экокультурного каркаса Центральной части Восточного Саяна»

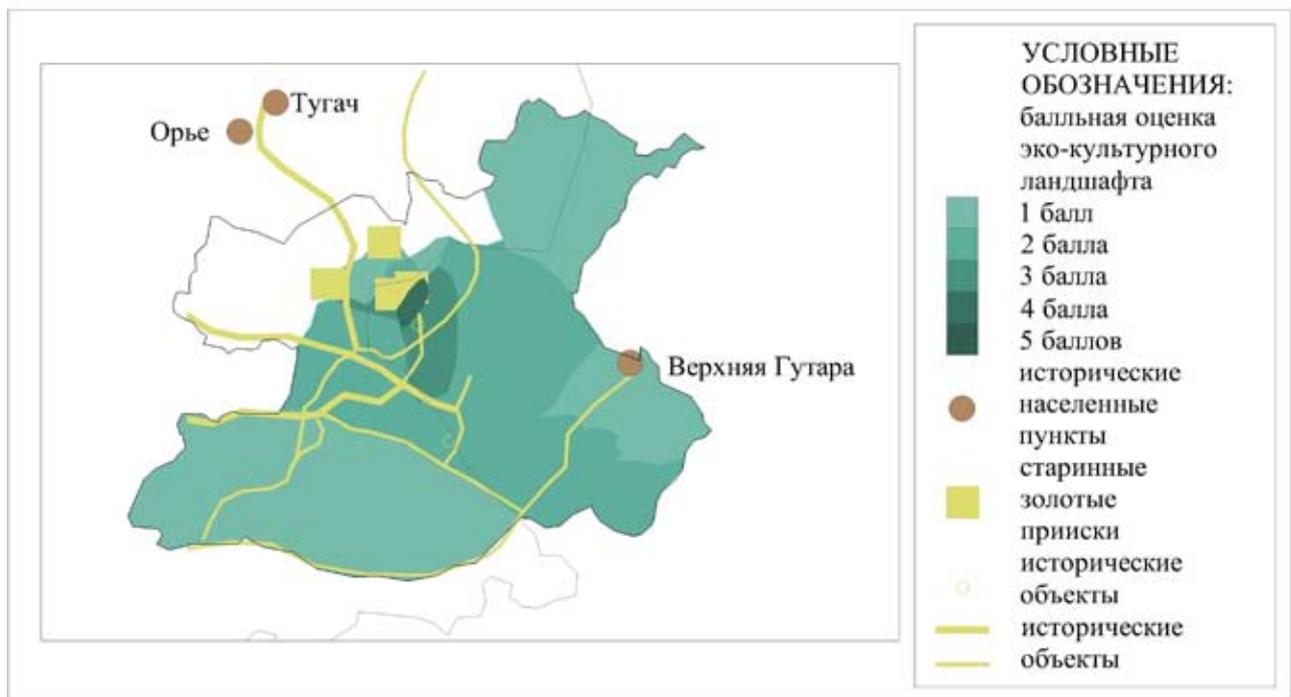

Рис. 12. Карта-схема историко-культурных ресурсов экокультурного каркаса Центральной части Восточного Саяна»

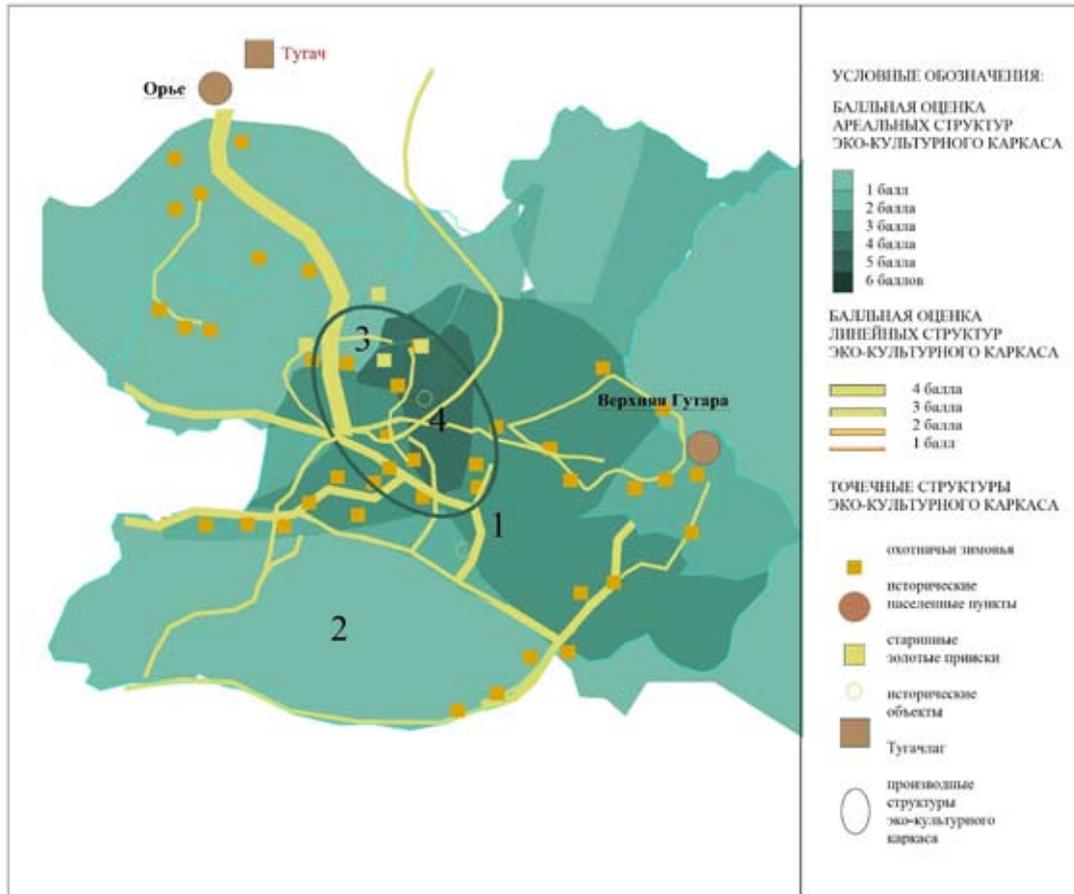

Рис. 13. Карта-схема экокультурного каркаса Центральной части Восточного Саяна»

Вывод

Зона охраны историко-культурных объектов [22]

В понятие историко-культурных объектов национального парка обычно входят памятники археологии, истории, культуры, в том числе места, где происходили знаменательные события или проживали выдающиеся деятели науки и культуры. Режим охраны данной функциональной зоны направлен на сохранение, восстановление и реконструкцию историко-культурных объектов и культурных ландшафтов, их окружающих. Размещение и архитектурное оформление объектов обслуживания туристов, а также благоустройство территории должны полностью гармонизировать с историческим обликом ландшафта [18, 20].

Основными структурами, пространственное размещение которых определяет конфигурацию зоны историко-культурных объектов национального парка, являются:

1. Точечные структуры: памятники истории и культуры, исторические населенные пункты (нежилые старинные золотые прииски).
2. Линейные структуры: исторические пути (пути исследователей Сибири, пути золотодобытчиков, охотничьи путики).

Ядро экокультурного каркаса составляют территории высокой плотности линейных структур и концентрации точечных структур экокультурного каркаса, его ядро является зоной охраны историко-культурных объектов.

В верховьях р. Кана и Малого Агула сосредоточены нежилые поселки золотодобытчиков: Негота, Воскресенский, Тукша и Сухой Лог. Из пос. Анжа шли конные пути снабжения поселков, из пос. Орье – пути охотников за соболями. Проходила научно-исследовательская экспедиция

Соловьева для создания соболиного заповедника (территория, ограниченная р. Кунгус, Малый Агул и Тукшинским Белогорьем, является эталонным объектом освоения Восточной Сибири).

В пределах данной зоны необходима реконструкция нежилых поселков золотодобытчиков. На базе объектов индустриального наследия возможно создание специализированной музейной экспозиции, посвященной развитию золотодобычи и всего горнодобывающего дела в Восточном Саяне, возрождение золотодобычи, но уже как особой части музейной и туристской программы [15, 20].

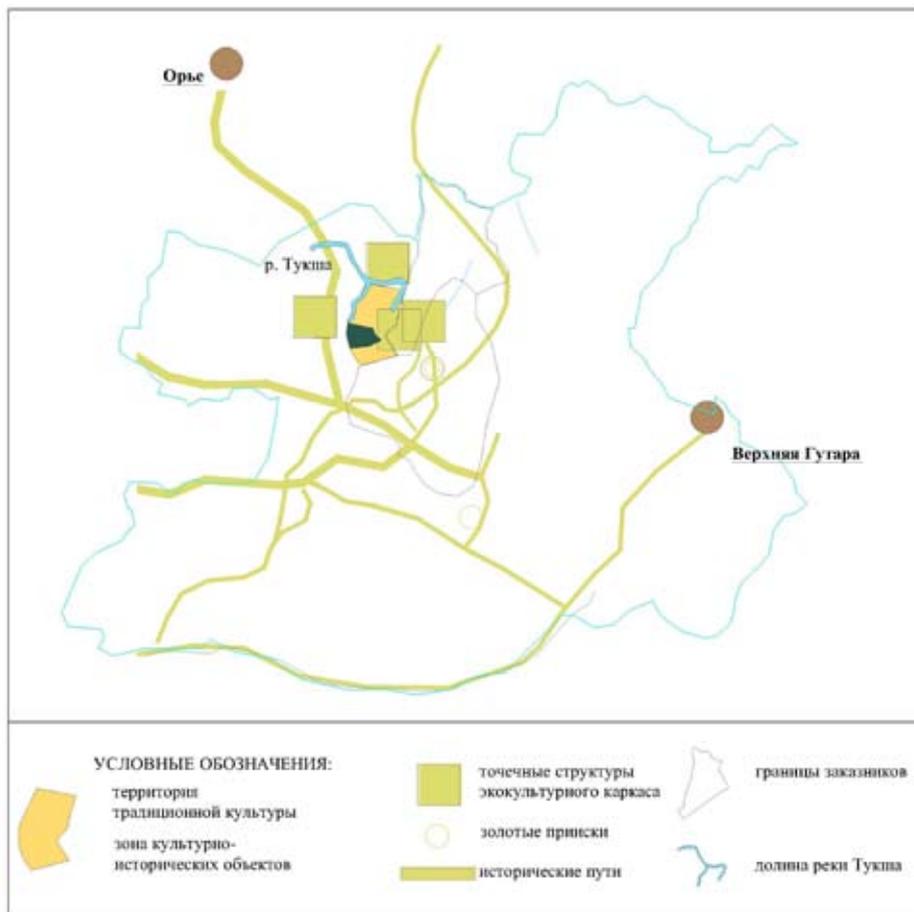

Рис. 14. Карта-схема зоны историко-культурных объектов

Зона традиционного природопользования [22]

Зона традиционного природопользования должна быть приурочена к реально сложившимся этнохозяйственным ареалам. В ее пределах осуществляется традиционная хозяйственная деятельность местного населения. Основная функция – поддержание неистощительного природопользования, развитие народных промыслов и ремесел, сохранение облика сложившихся культурных ландшафтов и сопряженных с ними исторически сложившихся населенных пунктов коренных жителей.

Основными структурами, пространственное размещение которых определяет конфигурацию зоны традиционного природопользования, являются:

1. Ареальные структуры: этнохозяйственные ареалы (ареал расселения тофаларов и русского старожильческого населения).
2. Линейные структуры: этнохозяйственные пути (охотничьи путики).

3. Точечные структуры: охотничьи избушки.

Зона традиционного природопользования должна быть приурочена к реально сложившимся этнохозяйственным ареалам, этнохозяйственным путям и объектам. На данной территории можно выделить два кластера этнохозяйственных ареалов:

- К западу от Тофаларского заказника – ареал традиционного хозяйствования русскогостарожильческого населения. Основные традиционные промыслы, исторически сложившиеся на исследуемой территории: охота, рыбалка и собирательство природных даров.

Территориальными структурами, влияющими на формирование зоны традиционного природопользования, являются линейные этнохозяйственные пути (охотничьи путики, идущие по р. Кан и Канскому Белогорью) и точечные объекты экокультурного каркаса (охотничьи избушки).

Границами зоны традиционного природопользования являются границы планируемого парка Канское Белогорье, исключая территорию зон туризма и зон охраны исторических объектов.

- К востоку от Тофаларского заказника зону традиционного природопользования составляет этнохозяйственный ареал тофаларов. Традиционные виды хозяйственной деятельности тофаларов – охота, оленеводство, собирательство. Границами зоны традиционного природопользования являются: с юга – границы бывшего Саянского заповедника, с запада – границы Тофаларского заказника, с севера – границы планируемого Агульского комплексного природного заказника и долины р. Большая Янгоза, Негодка и Сухой Инжигей. В пределах этой зоны необходимо восстановления кочевой формы хозяйствования, организация оленеводческих, мараловодческих ферм и соболиного питомника [15].

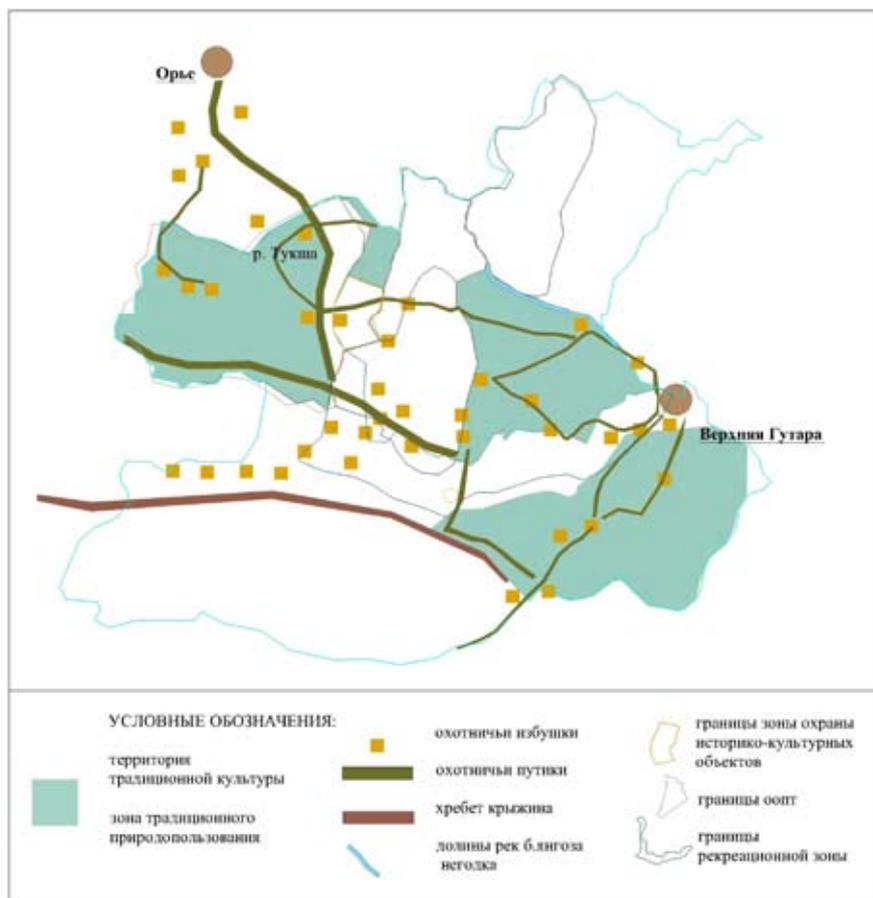

Рис. 15. Карта-схема зоны традиционного природопользования

Библиография:

1. Вайнштейн, С.И. Загадочная Тува: Монография / С.И. Вайнштейн. – М.: Домашняя газета. 2009. – 416 с.
2. Громов, К.И. Саянский заповедник. Заповедники СССР / К.И. Громов. – М.:, 1951.
3. Дамешек, Л.М. Народы Сибири в административной системе Азиатской России XVIII – начала XX века. – Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2016. – 230 с.
4. Рагулина, М.В. Коренные этносы Сибирской тайги: мотивация и структура природопользования (на примере тофаларов и эвенков Иркутской области): Монография / М.В. Рагулина. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. –163 с.
5. Сибирь. Атлас Азиатской России. Российская академия наук. GeoriaPub, 2007. 863 с.
6. Соловьев, Д.К. Заповедники, их выделение, значение, организация и прочее. Саянский охотпромысловый р-н и соболиный промысел в нем: отчет Саян. экспедиции Департамента земледелия / Д.К. Соловьев. – Пг.: Девятая гос. типография, 1920.
7. Соловьев, Д.К. Саянский промыслово-охотничий район исоболиный промысел в нем. Труды экспедиции по изучениюсоболя и исследованию соболиного промысла / Д.К. Соловьев. – Пг.: Девятая гос. типография, – 1921.
8. Соловьев, Д.К. Типы организаций, способствующих охране природы / Д.К. Соловьев. – Пг.: Девятая гос. типография, – 1918.
9. Petersen, R. Settlements, Kinship and Hunting Grounds in Traditional Greenland / R. Petersen. MuseumTusculanumPress, 2003. 323 p.
10. Гусанов, А.А. Управление экологическим туризмом в регионах России / А.А. Гусанов. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. 08.00.05. – М.: 2010. – 26 с.
11. Колбовский, Е.Ю. Культурный ландшафт и экологическаяорганизация территории регионов: на примере Верхневолжья / Е.Ю. Колбовский: дис. ... д-ра. геогр. наук. 11.00.01. – Ярославль, 1999. – 394 с.
12. Астанин, Д.М. Американская модель экологического туризма – минимизация воздействия на окружающую среду и ее планировочные аспекты / Д.М. Астанин // Архитектон: известия вузов – 2017. – № 4(60) – URL: <http://archvuz.ru/PDF/%23%2060%20PDF/ArchPHE%2360pp29-41Astanin.pdf>
13. Астанин, Д.М. Археологическое наследие как элемент комплексной оценки рекреационного потенциала Красноярского края /Д.М. Астанин // Сб. материалов VIII Всерос. науч.-тех. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых, посвященной 155-летию со дня рождения К.Э. Циолковского. Красноярск, 2012. – URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/7146>
14. Астанин, Д.М. Европейская модель экологического туризма – сохранение традиционной культуры и ее влияние на планировочную организацию рекреационных территорий / Д.М. Астанин // Архитектон: известия вузов. – 2017. – № 3(59). – URL: http://archvuz.ru/2017_3/7
15. Астанин, Д.М. Использование каркасного метода в планировании и функциональном зонировании территорий, благоприятных для организации экотуризма (на примере Центральной части Восточного Саяна) / Д.М. Астанин // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5: География. № 3. 2017. – С. 51–60. – URL: <https://vestnik5.geogr.msu.ru/jour/article/view/319>
16. Астанин, Д.М. Методикаоценки природного потенциала Красноярского края / Д.М. Астанин // Стратегия устойчивого развития регионов России, 2011. – № 8. – С. 192–195.
17. Астанин, Д.М. Методика формирования функциональных зон ООПТ для развития экологического туризма. / Д.М. Астанин // Архитектон: известия вузов. 2018. – № 3(63). с. 4. – URL: http://archvuz.ru/PDF/%23%2063%20PDF/%2363_04Astanin%20D.M..pdf
18. Астанин, Д.М. Планируемый главный визит-центр территории экотуризма Центральной части Восточного Саяна / Д.М. Астанин // Современные концепции развития науки: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. А.А. Сукиасян, 2017. – С. 177–180.

19. Астанин, Д.М. Пространственная структура познавательного туризма Красноярского края / Д.М. Астанин // Техника и технологии: журнал Сибирского федерального университета. Т. 6. – № 6. – Красноярск. 2013. – С. 721–736. – URL: http://elib.sfu-kras.ru/bitstream/handle/2311/10058/10_Astanin.pdf?sequence=1
20. Астанин, Д.М. Территориальное планирование системы эко-туристических просветительских учреждений [Электронный ресурс] / Д.М. Астанин // Архитектон: известия вузов. – 2016. – № 55. – URL: <http://archvuz.ru/PDF/%23%2055%20PDF/ArchPHE%2355pp38-49Astanin.pdf>
21. Астанин, Д.М. Типология функционального зонирования национальных и природных парков. / Д.М. Астанин // Архитектон: известия вузов. – 2018. – № 61. – URL: http://archvuz.ru/PDF/%23%2061%20PDF/ArchPHE%2361pp62-79_Astanin.pdf
22. Астанин, Д.М. Функциональное зонирование территорий экологического туризма по степени регулирования градостроительной деятельности [Электронный ресурс] / Д.М. Астанин // Архитектон: известия вузов. № 61. Екатеринбург. 2018. URL: http://archvuz.ru/PDF/%23%2061%20PDF/ArchPHE%2361pp46-61_Astanin.pdf
23. Астанин, Д.М. Функциональное зонирование территории экотуризмана примерепланируемого природного парка «Канскоебелогорье» / Д.М. Астанин // Сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф.: в 3-х частях. Отв. ред. А.А. Сукиасян, – 2017. – С. 280–283.
24. Астанин, Д.М. Этнографическое наследие как элемент комплексной оценки туристско-рекреационного потенциала Красноярского края / Д.М. Астанин // Российский журнал устойчивого туризма. – 2014. № 4. – С. 32–40.
25. Бахтин, С.А. Этническая идентичность тофаларов в начале XXI века / С.А. Бахтин // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2010. – №: 3. – Магнитогорск: Магнитогор. гос. тех. ун-тет им. Г.И. Носова. – С. 322–327.
26. Винобер, А.В. Социально-экологическая модернизация охотничьего хозяйства России: методологические предпосылки и ориентиры. Гуманитарные аспекты охоты и охотничьего хозяйства. / А.В. Винобер // Сб. мат-лов 3-й междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Оттиск. – 2015. – С. 25–28.
27. Винобер, Е.В., Винобер, А.В. Территории традиционного природопользования Иркутской области: проблемы и перспективы / А.В. Винобер // Формирование и развитие биосферного хозяйства: сб. мат-лов V междунар. науч.-практ. конф. – Иркутск: Оттиск. – 2015. – С. 16–26.
28. Гомбоев, Б.Ц. Этнокультура и религиозные традиции народов Саянского нагорья в контексте бурят-монгольского суперстрата / Б.Ц. Гомбоев // Арктический центр, Университет Лапландии. – № 2. – С. 13.
29. Дежкин, В.В., Сафонов, В.Г. Охотничье хозяйство России и экологическая парадигма / В.В. Дежкин, В.Г. Сафонов // Использование и охрана природных ресурсов в России. – М.: Природные ресурсы. – № 3 (105). – 2009. – С. 26–29.
30. Домахо, Б., Истомин, К.В. Изменение практики регулирования доступа к природным ресурсам у некоторых оленеводческих народов Сибири. Попытка теоретического обобщения / Б. Домахо, К.В. Истомин // Новые исследования Тувы. – 2010. – № 4. – С. 55–119.
31. Игнатьева, К.А., Кудашкин В.А. Национальные праздники и традиционные обряды коренных малочисленных народов Сибири в 20–30-е гг. XX в. как феномен культурной ассимиляции / К.А. Игнатьева, В.А. Кудашкин // Тр. Братск. гос. ун-та. Сер.: гуманитарные и социальные науки. – 2016. Т. 1. – С. 24.
32. Лаппо, Г.М. Концепция опорного каркаса территориальной структуры народного хозяйства: развитие, теоретическое и практическое значение. / Г.М. Лаппо // Изв. АН СССР. Сер. «Географическая». 1983. – № 5. – С. 16–28.
33. Монгуш, М.В. Тофалары и сойоты: историко-этнографический очерк / М.В. Монгуш // Новые исследования Тувы. – 2012. – №: 2. – С. 62–78.

34. Титова, О.В. Эколого-культурный каркас Вологодской области / О.В. Титова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – № 9. – С. 280–283.
35. Яковлева, С.И. Каркасные модели в региональных схемах территориального планирования. / С.И. Яковлева // Псковский регионологический журнал. – 2013. – № 15.
36. Agrawal, A., Gibson, C. Enchantment and disenchantment: the role of community in natural resource conservation./A. Agrawal, C. Gibson // World development 27 (1999), – P. 629.
37. Goodwin, P. ‘Hired hands’ or ‘local voices’: understandings and experience of local participation in conservation’, /P. Goodwin // Transactions of the Institute of British Geographers – 23 (1998). – P. 481.
38. Knudson, A. ‘Conservation and controversy in the Karakoram: Khunjerab National Park, Pakistan’, /A. Knudson // Journal of political ecology – 6 (1999). – P. 30.
39. MacDonald, K. Global hunting grounds: power, scale and ecology in the negotiation of conservation / K. MacDonald // Cultural Geographies – 2005. – P. 107. 12(3), 259–291. – URL: <https://doi.org/10.1191/1474474005eu330oa>.
40. Schroeder, R.A. ‘Geographies of environmental intervention in Africa’ / R.A. Schroeder // Progress in human geography – 23 (1999), – P. 359.
41. Восточный Саян. – URL: <http://www.rusadventures.ru/articles/353.aspx>.
42. Отчет о пешеходном туристском походе пятой категории сложности по Центральному Саяну, совершенному с 31.07 по 24.08.2000 г. – URL: http://www.skitalets.ru/foot/2005/sayani_holkin
43. Тофалария. URL: <http://www.tofalaria.ru/orografi.htm>.

Статья поступила в редакцию 19.11.2018

Лицензия Creative Commons

Это произведение доступно по лицензии Creative Commons «Attribution-ShareAlike» («Атрибуция – На тех же условиях») 4.0 Всемирная.

THE EFFECT OF THE ECO-CULTURAL FRAMEWORK OF THE EASTERN SAYANS' CENTRAL PART ON HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE AND LAND USE ZONING IN THE PROJECTED SAYAN NATIONAL PARK (BIOSPHERIC RESERVE)

Astanin, Dmitry M.

Senior Lecturer,
Subdepartment of Architectural Environment Design,
Cherepovets State University,
Cherepovets, Russia, e-mail: montenegro.astanin@mail.ru

Abstract

Attention is focused on the use of frame system analysis as a basic primary method for planning ecotourism in the region. Areal, linear and spot territorial structures have been studied in the eco-cultural framework of the central part of Eastern Sayans which have defined historical and cultural heritage and traditional wildlife management zones in the projected Sayans National Park (biospheric reserve).

Keywords:

cartographical method, areal structures, linear structures, spot structures, eco-cultural tourism, ethno-landscape tourism

References:

1. Vainshtein, S.I. (2009) Mysterious Tuva. Moscow: Domashnaya Gazeta. (in Russian)
2. Gromov, K.I. (1951) The Sayans Reserve. USSR's Reserves. Moscow. (in Russian)
3. Dameshek, L.M. (2016) The peoples of Siberia in the administrative system of Asian Russia in the 18th – early 20th century. Irkutsk: Irkutsk State University. (in Russian)
4. Krivonogov, V.P. (2008) Tofalars: three steps to the future. Krasnoyarsk. (in Russian)
5. Vedenin, Yu.A., Kuleshova, M.E. (eds.) (2004) Cultural landscape as an object of heritage. Moscow: Heritage Institute; Saint-Petersburg: Dmitry Bulanin. (in Russian)
6. Ragulina, M.V. (2000) Indigenous ethnicities of Siberian taiga: motivation and structure of wildlife use (with reference to the Tofalars and Evenks of Irkutsk region). Novosibirsk: SO RAN publishing. (in Russian)
7. Siberia. Atlas of Asian Russia. SO RAN; Institute of Archeology and Ethnography of SO RAN; N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of RAN; Institute of History SO RAN; DVO RAN; Institute of Geography of DVO RAN; UrO RAN; Moscow State University (Geography Department); D.S.Likhachev Heritage Institute; Institute of Geography of RAN. (in Russian)
8. Solovyev, D.K. (1920) Reserves, their allocation, value, organisation, etc. Sayans hunting district and sable hunting in it. A report of a Sayan Expedition of the Department of Land Farming. Petrograd. (in Russian)
9. Solovyev, D.K. (1921) Sayans hunting district and sable hunting in it. Transactions of the sable studying and sable hunting expedition. Petrograd. (in Russian)
10. Solovyev, D.K. (1918) Types of organizations facilitating nature protection. Petrograd: Ninth State Printing House. (in Russian)
11. Petersen R. (2003) Settlements, Kinship and Hunting Grounds in Traditional Greenland. Museum Tusculanum Press.

12. Gusanov, A.A. (2010) Management of Ecological Tourism in Russian Regions. Summary of PhD dissertation (Economics). 08.00.05. Moscow. (in Russian)
13. Kolbosky, E.Yu. (1999) The cultural landscape and ecological organisation of regions' territories: with reference to the Upper Volga region. Doctor habil. dissertation (Geography). 11.00.01. Yaroslval. (in Russian)
14. Astanin, D.M. (2017) The American model of ecological tourism – minimization of environmental impact and related aspects. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 60. Available from: http://archvuz.ru/2017_4/3 (in Russian)
15. Astanin, D. M. (2012) Archaeological heritage as part of a comprehensive assessment of the recreational potential of the Krasnoyarsk region. In: Youth and science. Collection of materials VIII all-Russian scientific and technical conference of students, postgraduates and young scientists, dedicated to the 155th anniversary of the birth of K. E. Tsiolkovsky. Krasnoyarsk. Available from: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/7146> (in Russian)
16. Astanin, D. M. (2017) The European model of environmental tourism – preservation of traditional culture and its impact on the planning of recreational areas. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 59. Available from: http://archvuz.ru/2017_3/7 (in Russian).
17. Astanin, D.M. (2017) Application of network method in the planning and functional zoning of territories favorable for the organization of ecotourism (case study of the Central part of the Eastern Sayan Mountains). *Bulletin of Moscow State University. Series 5. Geography* No. 3. Moscow. p. 51–60 (in Russian).
18. Astanin, D.M. (2011) A technique for estimating the Krasnoyarsk region nature's potential. *Strategy of sustainable development of Russia's region*, No. 8, p. 192–195. (in Russian)
19. Astanin, D. M. (2018) Methods of functional zoning of protected areas for development of ecological tourism [Online]. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 3(63), p. 4. (in Russian)
20. Astanin, D.M. (2017) Planning the main visitor center site of ecotourism the Central part of the Eastern Sayan. In: Modern concepts of science. Collection of articles of the International scientific and practical conference. p. 177-180. (in Russian)
21. Astanin, D.M. (2013) Spatial Pattern of Educational Tourism of the Krasnoyarsk Region. *Engineering and technologies. The Journal of Siberian Federal University. Volume 6, No. 6. Krasnoyarsk*, p. 721-736 (in Russian).
22. Astanin, D.M. (2016) Spatial planning system of eco-tourism educational institutions. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 55. Available from: http://archvuz.ru/2016_3/3 (in Russian)
23. Astanin, D.M. (2018) Typology of functional zoning of national and natural parks. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 61. Available from: http://archvuz.ru/2018_1/4 (in Russian)
24. Astanin, D.M. (2018) Functional zoning of ecological tourism areas by degree of regulation of building and planning activities. *Architecton: Proceedings of Higher Education*, No. 61. Available from: http://archvuz.ru/2018_1/3 (in Russian)
25. Astanin, D. M. (2017) Functional zoning of eco-tourism area using as an example the projected Kanskoye Belogorye natural park. In: Synthesis of science and society in addressing the global challenges of the modernity. Proceedings of the International research-to-practice conference: in 3 parts, p. 280–283.
26. Astanin, D.M. (2014) Ethnographic heritage as an element of comprehensive assessment of the tourism and recreational potential of the Krasnoyarsk region. *Russian journal of sustainable tourism* No. 4. p. 32–40 (in Russian).
27. Bakhtin, S.A. (2010) The ethnic identity of the Tofalars in the early 21st century. *Issues in history, philology, culture. Magnitogorsk: Magintogorsk State Univeristy*, No.3, p. 322–327. (in Russian)

28. Vinober, A.V. (2015) Socio-ecological modernization of Russia's hunting economy: methodological prerequisites and landmarks. In: Humanitarian aspects of hunting and hunting economy. Proceedings of the 3rd International Research to Practice Conference. Irkutsk, p. 25-28. (in Russian)
29. Vinober, E.V., Vinober, A.V. (2015) Areas of traditional wildlife use in Irkutsk region: problems and prospects. In: Formation and development of a biospheric economy. Proceedings of the 5th International Research to Practice Conference. Irkutsk, p. 16–26. https://elibrary.ru/publisher_books.asp?publishid=9613 (in Russian)
30. Gomoboyev, B.Ts. (2009) Ethnocultural and religious traditions of Sayan Mountain peoples in the context of Buryat-Mongol superstrat. Open archive article. No. 2. Arctic Center, Lapland University. 03.2009. (in Russian)
31. Dezhkin, V.V., Safonov, V.G. (2009) Russia's hunting economy and the ecological paradigm. Use and Protection of Natural Resources in Russia, No. 3(105), p. 26–29. (in Russian)
32. Dezhkin, V.V., Safonov, V.G. (2010) Changes in the practice of regulating access to natural resources for some reindeer herding peoples of Siberia. An attempt at theoretical generalisation [Online]. New Studies of Tuva, No.4, p.55–119. <https://elibrary.ru/contents.asp?id=33787461&selid=18216543> (in Russian)
33. Ignatyeva, K.A., Kudashkin, V.A. (2016) National festivals and traditional rites of the native minorities of Siberia in the 1920-1930s as a phenomenon of cultural assimilation. Transactions of Bratsk State University. Series: Humanities and Social Sciences, Vol.1, p. 20–24. (in Russian)
34. Lappo, G. M. (1983) The Concept of the Supporting Framework of the Territorial Structure of the National Economy: Development, Theoretical and Practical Value. News of USSR Academy of Sciences. Series: Geography, No. 5, p. 16–28 (in Russian). (in Russian)
35. Mongush, M.V. (2012) Tofalars and Soyots: a historical ethnographic essay. New Studies of Tuva, No. 2, p. 62–78. (in Russian)
36. Titova, O. V. (2013) Ecological and cultural framework of the Vologda region. Current Issues in Humanities and Natural Sciences, No. 9, p. 280–283 (in Russian).
37. Yakovleva, S.I. (2013) Wireframe models in the regional territorial planning schemes. Pskov Regional Studies Journal, No.15 (in Russian).
38. Agrawal, A., Gibson, C.C. (1999) Enchantment and disenchantment: the role of community in natural resource conservation. World development, No. 27, p. 629–649.
39. Hough, J.L. (1994) Institutional constraints to the integration of conservation and development: a case study from Madagascar Society and natural resources, No. 7, p. 119–124.
40. Goodwin, P. (1998) "Hired hands" or "local voices": understandings and experience of local participation in conservation. Transactions of the Institute of British Geographers, No. 23, p. 481–499.
41. Knudson A. (1999) Conservation and controversy in the Karakoram: Khunjerab National Park, Pakistan. Journal of political ecology, No. 6, p.1–30.
42. MacDonald, K.I. (2005). Global hunting grounds: power, scale and ecology in the negotiation of conservation. Cultural Geographies, No. 12(3), p. 259–291. <https://doi.org/10.1191/1474474005eu330oa>.
43. Schroeder, R.A. (1999) Geographies of environmental intervention in Africa. Progress in human geography, No. 23, p. 359–378.
44. Eastern Sayans [Online]. Available from: <http://www.rusadventures.ru/articles/353.aspx> (in Russian)
45. A report of a Category Five walking and boating tour in Central Sayans from 31.07 to 24.08.2000 [Online] http://www.skitalets.ru/foot/2005/sayani_holkin (in Russian)
46. Tofalaria [Online]. Available from: <http://www.tofalaria.ru/orografi.htm> (in Russian)